

О ЮБИЛЯРЕ

«...И МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО СЧАСТЛИВ»
(интервью с Евгенией Алексеевной Алексеенко)

Предисловие к интервью

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Интерес к истории нашей науки, в первую очередь ее советского периода, в конце XX — начале XXI в. был вызван как внутренними, так и внешними причинами.

В связи с социально-экономическими и идеологическими переменами в российском обществе необходимо было в первую очередь для самих себя переосмыслить старое советское наследие, провести его ревизию, прежде всего — в области методологических подходов. Попутно были «открыты» старые «новые» имена, возвращены из небытия забытые имена, отдана дань наиболее выдающимся деятелям науки [Решетов 1995¹; Соловей 1998; Репрессированные этнографы 2002, 2003; Академик Ю.В. Бромлей 2003; Выдающиеся отечественные этнологи... 2004; Алымов 2006; Тишков 2008; Виноградов 2009 и др.]. Этот интерес к истории науки сейчас хотя и испытывает некоторый спад, все же не сошел на нет.

Внешней причиной углубления интереса к истории науки (я буду далее говорить в основном о сибирской этнографии) было желание зарубежных исследователей, с середины 1990-х гг. свободно и активно работавших в сибирском «поле», каким-то образом заявить о себе, включить себя и своих предшественников в контекст развития этнографического сибиреведения, а в более общем плане — вернуть дисциплине ее международный статус [Schweitzer 2000, 2001]. Этот интерес отражен в тематике конференций, проводившихся в то время.

¹ См. список трудов А.М. Решетова на сайте Этнографического обозрения Online. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online>.

В 2002 г. на базе Института социальной антропологии им. М. Планка в Галле (Германия) должен был состояться международный семинар «Кому принадлежит сибирская этнография?», где мне предложили выступить на тему по истории советского сибиреведения¹. Схожая тема была заявлена мной на конференцию по обществам охотников и собирателей в Эдинбурге, в секции по истории антропологической мысли [Sirina 2004].

Какой была сибирская этнография в советские годы, что из написанного и сказанного о ней правда, а что — вымысел? Какие люди работали в сибиреведении, как они работали, что думали и чувствовали? Какие темы считались приоритетными, а какие — запретными, ощущался ли идеологический диктат? Какими методами пользовались ученые в «поле»? Наконец, каковы результаты этой работы, как они вписываются в рамки мировой антропологии? И как можно оценить советский период исследований? Для ответа на эти вопросы нужны факты, свидетельства той эпохи, полученные «из первых рук». Мне хотелось из первых уст старших коллег услышать свидетельства времени, которое лишь частично отложилось в письменных источниках.

Во время командировки в Санкт-Петербург в апреле 2002 г. мне представилась уникальная возможность побеседовать с мэтром советской школы этнографии, сотрудницей отдела Сибири МАЭ РАН Евгенией Алексеевной Алексеенко. Интервью я расшифровала почти сразу, использовала при подготовке докладов и статей, а потом положила в папку «Архив по истории науки». И вот оно дождалось своего часа: отредактировано, откомментировано и подготовлено с согласия редакторов сборника и самого юбиляра к печати.

Несомненно, что опыт таких ученых нам еще предстоит осмыслить, а пока важно его не потерять, сделать достоянием многих². Спасибо, дорогая Евгения Алексеевна, и с Юбилеем Вас!

...А с Сибирью все легкомысленно было.

Я Московский университет закончила. Моя фамилия тогда была Быкова. Этнографическая специализация началась у нас с III курса. Первая экспедиция у меня была в Молдавию. Это 1948 год. Там еще

¹ Отчеты об этой конференции на русском языке см.: [Вахтин, Сирина 2003: 141–148].

² Представленный текст отредактирован; произведена минимальная литературная правка текста.

сплошные каски после войны лежали, и из касок пробитых поросят кормили. Руководитель, к которому меня прикрепили, ходил на базар, покупал кур и держал их в клеточке, а я выпускала этих кур в кукурузу, потому что мне кур было жалко, потому что он кур держит, чтобы потом свернуть им шеи. Вот такая у меня была этнографическая практика. Что было, это ужасно! (смеется. — А.С.). Он собирался написать письмо в университет, но последствий особых я не почувствовала. А потом вторая поездка в Бурятию, нас было несколько человек с Клавдией Ивановной Козловой¹. Три или четыре человека с кафедры ездили. К этому времени уже какие-то курсы Сергей Александрович Токарев² читал. И, в частности, мне запало в душу, что кеты — народ, который живет на Енисее и с которым связано очень много загадок. И потом, когда мы возвращались... Когда мы проезжали Енисей на обратном пути, — естественно, поезд, естественно, плацкартный вагон, у нас даже денег на матрасики не было, мы как-то свои шмотки раскладывали и на досках спали... — и вот проезжаем совершенно великолепный Енисей, гроза над ним. ...И больше я ничего не видела. Когда я приехала в Ленинград и меня спросили: «Чем вы, собственно, хотите заняться?», — я сказала: «Кетами». Ничего за этим, кроме вот такого поверхностного представления, не было. Диплом у меня был по историографии: «Этнографические материалы в трудах Лепехина». Клавдия Ивановна Козлова на это дело нацелила. Я, конечно, была незрелым весьма человеком, во всех отношениях.

...Я приехала в Ленинград, никому не нужная. Здесь тоже страшно удивились: по распределению? Такого случая... Чрезвычайно! Пришла в канцелярию, к ученому секретарю Татьяне Владимировне Станюкович³, та тоже с круглыми глазами: «Ну пойдемте, я Вас отведу в отдел Сибири». Ну вот и пришла я. Совершенно никому не нужное существо, и к тому же бездомная. После истфака МГУ. Это

¹ Козлова Клавдия Ивановна, род. в 1922 г. Доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. Область научных интересов — этнография народов России и сопредельных стран.

² Токарев Сергей Александрович (1899–1985) — советский этнограф и историк, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (1939–1973), заведующий сектором Института этнографии АН СССР (с 1943 г.).

³ Станюкович Татьяна Владимировна (1917–1992) — доктор исторических наук, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (1948–1992), автор работ по русской культуре XVIII в. и музейной этнографии.

был 1953 год. И нынешних никого нет, кто со мной учился. Таня Лукьянченко¹ помоложе меня была курса на два, Тося Бернова² была, она Юго-Восточной Азией занималась, она умерла уже.

В университете нам читал Косвен³, Чебоксаров⁴, Токарев, Козлова — все это киты, и действительно это было. Толстов⁵ читал археологию. Все было хорошо. Но вот за этими теориями мы очень мало знали и чувствовали факт. И когда я оказалась в музее, первое, что меня совершенно потрясло, как здесь люди занимаются именно конкретной этнографией, через музей, естественно.

...Будешь кетамы заниматься, ну хорошо, занимайся. Но сразу пошли конкретные задания, регистрация описей, перерегистрация дефектных описей. Вскоре, месяца через три, в фондах стала работать, вещи пошли. Я прониклась к вещам, почувствовала, насколько это значимо. Это действительно для меня был большой урок и серьезный, начало настоящее. В Москве этого не было, мало было. Мы приезжали студентами сюда разок, ходили по залам и не более, в фондах мы не были и не почувствовали этого.

Самое главное, в те годы всюду шел Историко-этнографический атлас Сибири, и здесь происходили «баталии» авторского коллектива. И шел том «Народы Сибири». Но том... он более поверхностный, что ли. Нас с Верой⁶ включили, мы указатели готовили. Здесь соот-

¹ Лукьянченко Татьяна Васильевна (род. 1932) — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Сибири и Севера ИЭА РАН (Москва), специалист по этнографии саамов.

² Бернова Анастасия А. — специалист по этнографии народов Юго-Восточной Азии, сотрудник ЛЧ ИЭА АН СССР.

³ Косвен Марк Осипович (1885–1967) — советский этнограф, историк первобытного общества и кавказовед, доктор исторических наук (1943). Профессор Московского университета (1934–1954), старший научный сотрудник ИЭА АН СССР (1935–1937, 1943–1965).

⁴ Чебоксаров Николай Николаевич (1907–1980) — советский этнограф, доктор географических наук, один из организаторов преподавания этнографической науки в МГУ. Ответственный редактор и один из авторов обобщающих работ «Очерки общей этнографии» и «Народы мира».

⁵ Толстов Сергей Павлович (1907–1976) — советский этнограф, археолог, историк-востоковед, чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.), директор Института этнографии АН СССР (1942–1968), профессор, заведующий кафедрой этнографии, декан исторического факультета МГУ.

⁶ Дьяконова Вера Павловна (р. 1927) — кандидат исторических наук, сотрудник сектора Сибири ЛЧ ИЭА АН СССР/МАЭ РАН (1953–2002), специалист по народам Южной Сибири.

ветственно были Сергей Васильевич Иванов¹, Андрей Александрович Попов², Наталья Федоровна Прыткова³, Валентина Васильевна Антропова⁴, Глафира Макарьевна⁵ (Василевич. — А.С.) еще не вернулась тогда, она через какое-то время появилась. Был Грач⁶, Екатерина Дмитриевна Прокофьева⁷, Варвара Кузнецова⁸ приехала. Здесь кипела работа, так дымили, курили на заседаниях, что к концу заседания расплывчатые силуэты только были видны.

Когда приехала сюда, начала жить в гостинице, потом угол снимала, хотя у меня было направление — где-нибудь лежит в архивах — с предоставлением жилплощади, потому что я приехала как молодой специалист. Ну а потом нам дали общежитие в академическом доме, туда Анна Васильевна Смоляк⁹ как раз попала. Она приехала после своего Порт-Артура, а мама ее была в Москве, и она всю здесь работала, она по духу была вросшая, конечно, в это все. И вот мы оказались на Московском проспекте в общежитии, обще-

¹ Иванов Сергей Васильевич (1895–1986) — этнограф, искусствовед, доктор исторических наук, сотрудник сектора Сибири ЛЧ ИЭ АН СССР (до 1970 г., затем научный консультант).

² Попов Андрей Александрович (1902–1960) — этнограф, кандидат исторических наук, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (до 1960 г.), специалист по нганасанам, долганам.

³ Прыткова Наталья Федоровна (1904–1966) — этнограф, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (до 1966 г.), исследователь культуры народов Севера и Сибири.

⁴ Антропова Валентина Васильевна (1909–1976) — этнограф, исследователь коряков, сотрудник сектора Сибири ЛЧ ИЭ АН СССР (до 1976 г.).

⁵ Василевич Глафира Макарьевна (1895–1971) — этнограф, лингвист, фольклорист, доктор исторических наук, специалист по этнографии тунгусо-маньчжурских народов, сотрудник сектора Сибири ЛЧ ИЭ АН СССР (до 1971 г.).

⁶ Грач Александр Данилович (1928–1981) — археолог, кандидат исторических наук, специалист по археологии древних и раннесредневековых кочевников Центральной Азии, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (1951–1963, 1978–1981).

⁷ Прокофьева Екатерина Дмитриевна (1902–1978) — специалист по этнографии народов Сибири, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (до 1964 г.).

⁸ Кузнецова Варвара Григорьевна (1912 — начало 1960-х гг.) — сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (1951–1956), специалист по этнографии чукчей.

⁹ Смоляк Анна Васильевна (1920–2003) — этнограф, доктор исторических наук, специалист по этнографии народов Нижнего Амура и Сахалина, младший научный сотрудник сектора Сибири ЛЧ ИЭ АН СССР (1950-е гг.), затем — отдела Сибири и Севера ИЭА РАН.

житие довольно странное. Называлось для молодых специалистов. То есть обычная коммунальная квартира, две семьи. Были смежные комнатки, кровати, тазики, у меня раскладушка, у кого что. Да какой там быт! Анна Васильевна сидела, у нее такой столик был кухонный, их уже ни у кого почти нет — внутри там емкость, а сверху столешница. Она сидела и себе винегретик делала вот в такую кастрюльку в промежутках между занятиями ульчами. Ноги деть даже некуда было.

А потом было Всесоюзное этнографическое совещание, и я, конечно, мечтала об экспедиции, и подошла к Максиму Григорьевичу Левину¹, он был замдиректора Института. Он распоряжался всеми финансами, экспедиционными деньгами. И вот я на всю жизнь запомнила. Он мне сказал: «Я вам дам... — сейчас уже не помню сколько, но вот, например, 700 рублей — поедете?» Без сметы, без ничего. И в 1956 году я поехала в свою первую экспедицию к кетам.

Вопросник составляла. У нас перед поездкой были обсуждения, я составляю, кто-то дополняет. У нас был план-программа экспедиционной работы. Прежде чем уехать, я консультировалась с Борисом Осиповичем Долгих², он приезжал сюда. Как-то вечером я узнала, что он здесь, что он придет в сектор Сибири, дрожала неимоверно. Пришел Борис Осипович, и весь страх сразу пропал. Такой маститый. Такой человек, который так поприветствовал, так обрадовался, и так спокойно, и так хорошо говорил, это просто замечательно. Я уже знала, где кеты живут: Келлог, Елогуй, он там был и назвал Ивана Ивановича Тыганова. Долгих на Подкаменной Тунгуске был, но значит встречался с Тыгановым на Елогуе... А так он ездил по Подкаменной Тунгуске с Вайнштейном³, Коган и Овсянниковой — студенты были.

¹ Левин Максим Григорьевич (1904–1963) — этнограф, физический антрополог, доктор биологических наук, профессор. Заместитель директора ИЭ АН СССР, заведующий отделом ИЭ АН СССР.

² Долгих Борис Осипович (1904–1971) — этнограф, историк, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором по изучению социалистического строительства у народов Севера (с 1954 г.) ИЭ АН СССР. Автор работы «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» (1960).

³ Вайнштейн Севьян Израилевич (1926–2008) — этнограф, историк, археолог, специалист по народам Южной Сибири и теоретическим проблемам этнографии, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела Сибири и Севера ИЭА РАН.

А вот после поездки пошло уже все как-то определеннее. Дальше 1958 год, и пошло. Все места их постепенно объехала. Я ездила, пока деньги не кончатся.

Всякий раз едешь и думаешь: «Господи, хоть бы не приехать, ехать дальше» (смех. — А.С.). Куда-нибудь. Где ночевать, с кем встретишься, какие люди, получится работа или нет, — это всегда беспокоит. Но все это только первые три часа, и вот ты уже обрел крышу, и какие-то люди намечаются в конце дня и уже блаженное состояние.

У меня были поездки от полутора месяцев до пяти. Самое большее — это пять. В целом из годового цикла не была только в январе месяце — в декабре бывала и в феврале бывала. Это была погруженность, конечно, в жизнь. Действительно, даже на Елогуе, не в поселке, а подальше. Вот стойбище из трех чумов. Ты живешь там. И на Налимьем... Это совсем другое. Не то, что ты села и поработала. А у тебя день идет тут же: ты и работаешь, и живешь, и что-то делаешь с ними, это совершенно другой уровень полевой работы.

Вот допустим, в 1970-е годы мы работали по шаманству. Какой-то год мы сидели с антропологами в устье реки Улья, Гохман¹ на другой стороне раскапывал поздние захоронения, им нужен был краниологический материал, а тут на берегу несколько чумов. Наша палатка тут же. Два чума, палатка, других людей нет, и конечно зазывались отношения очень хорошие.

Был такой Егор Сутлин, он по речке спустился со своим сыном, они ондатру ловили. Ему тогда всего 50 лет было, как я потом посчитала, а казалось, что немолодой. Это человек, с которым получилась работа по шаманству. Опыт приобретаешь, что спрашивать, не столько из литературы, а там же на месте. Я еду знаю к кому — к Егору Сутлину, но все равно беспокойство — получится — не получится. Я обратилась к нему сразу не с представлений о духах и т.п., а о более жизненном — о способах загибания доски дерева для обечайки бубна. Вот он мне начал рассказывать, как крень вырубается, и как там на распорках нагревается и все прочее. И потом переходит... «А это смотря какой бубен — первый, второй, третий». Все.

¹ Гохман Илья Иосифович (1928–2008) — антрополог, кандидат исторических наук (этническая антропология народов мира, генеалогия рас человека, методы антропологических исследований), сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН (1968–2008).

Зацепка пошла. От Анучина¹ я знала, что у кетов было несколько бубнов, до семи. Но тут пошла информация, что он воспринимался как один и тот же бубен. Раз в три года шаман повышался в статусе, проводился обряд оживления и делался новый бубен больших размеров, и он воспринимался как растущий вот тот первый; седьмой бубен был только у большого шамана. И тут вот и появляется чутье, потому что все оформление бубна, все эти подвески, все эти поперечины, они тоже системно прибавлялись в определенном порядке, количестве; и топография, и материалы, все уже работало в зависимости от статуса шамана. Вот это я почувствовала. И вот когда я это почувствовала, вот это был момент истины. Вообще-то много было чего хорошего, но этот момент был один раз. Я ему сказала: Егор, подожди, остановись. Я вышла на крыльцо. Было чувство, что в зобу дыханье сперло. Мне хотелось встать на голову. Я уже задавала вопросы не пальцем в небо, а зная, что спрашивала, и дальше уже проверяла этот материал у других информаторов, в других местах, и когда это подтверждалось, выявлялось, было замечательно. В какой-то степени шло самообучение, как у шамана.

В процессе я обучалась. Общая программа, которую делала в основном до поездки, иногда в пути, а на каждый день вопросники. Они уточнялись. Ты сегодня работал, то, что наметил, сделал, но чего-то не понял, не дописал, такая текущая обычная работа. И помогали сами мои информанты. Не все конечно. Вот почему я и говорю, что не хочу сегодняшнего поля. Потому что таких, как тот же Егор Сутлин... Вот он приходит на другой день и говорит: «Погоди, погоди, вот ты вчера писала...» А он ночь думал, что я написала, и не только он один. И на Суломае тоже.

Было одно место — Бахта, я туда стремилась, и вот не получилось. То есть то, что можно взять в сельсовете, общие представления, какие-то старушки что-то нашли, которые все время полупьяненькие, которые что-то говорили, — а вот со средним возрастом не получилось. Не получилось контакта. То, что они говорили, это ужасно, потому что ты знаешь в 10 раз больше. Ну, ты нас спрашиваешь — мы тебе что-нибудь скажем. А на взаимную работу, когда информант работает с тобой, человек сам с тобой работает, вспоминает...

¹ Анучин Василий Иванович (1875–1941) — этнограф, писатель, работал в МАЭ, в Восточном педагогическом институте (Казань). Автор работ «Енисейские остяки» (1911), «Очерк шаманства у енисейских остяков» (1914).

Что еще может работать сейчас — тоже не сразу я к этому пришла — это автобиографические материалы. Вот это надежно. Потому что человека начинаешь спрашивать, где, когда он родился, кто мать и т.д. И тут много надежного материала получается, тут уже выходить можешь куда угодно, сам материал выводит.

И что еще я не делала, или делала очень мало и сожалею об этом — я как-то упорно, примитивно работала только с кетам. Там же живут селькупы, эвенки. А я по кетам, по кетам. И они обижались: что это ты все время только к кетам-то? Ну конечно, что-то ухватывалось, что-то откладывалось, но специально же надо было. Наверное, нужно по нескольким народам работать.

А потом: как у кого получается. Если сам не чувствуешь, о чем ты пишешь, не видел, не прошупал, все это будет на другом уровне: вот знание, но уверенности нет. Наверное, можно было, если очень захотеть, поработать и здесь, и там. Можно было, если очень захотеть, попроситься в экспедицию в Южную Сибирь. Не то что территория поделена. Такого не было. Просто все время хотелось набрать, набрать. Слишком мало было еще известно по основной теме. Хотя мне приходилось специально работать и в селькупском поселке, в верховьях Таза, там смешанная группа: кеты, эвенки и селькупы. Работа с русскими старожилками, теми, которые вплотную с коренным населением, дает очень много. Они же в одних звеньях охотничьих: один — русский, другой — кет, многие русские обучались у них.

На кетов у меня, видимо, какое-то особое чутье было, потому что я запоминала их людей очень, и детишек, они вырастали, и контакт был фактически всегда. И потом когда приезжаешь, уже знаешь, к кому ты едешь. Последние поездки были очень удачные. Я любила уже ездить: 1987 год, 1991 год — уже знаешь куда, знаешь к кому, уже с первого дня спокоен.

Удавалось привезти материал, в том числе культовый, причем местная советская власть понятия не имела, что у нее под носом есть. Когда мы в большую деревню, где они все сидят, стали на почту эти ящики носить и отправлять, страшно удивлены были: были уверены, что все утоплено, выкинуто.

Бывали очень интересные находки. Вот у шамана, кроме обычной жены, женщины, была символическая жена. Тоже в связи с его становлением, чтобы получить шаманский дар, это дочь Хоседам — самого отрицательного начала, его затылочная жена. Информация этнографическая была. В 1972 году одна женщина показывала

изображения своих домашних охранителей и вдруг приносит изображение этой затылочной жены. Ну не встречалось информации, что рукотворная фигура была, никогда не встречалось. И тут тоже потянулась историческая цепочка. О ней было известно, что эта фигура была у шаманки, ее изготовил немой старик Каменских, дальше, что люди говорили...: был шаманом, потом хранилась у женщины-шаманки по фамилии Кытлак, а ее упоминает Анучин. Известно, что она умерла в империалистическую войну. А передается фигурка в своем роду по мужской линии, и вот она «дожила» до 1972 года. В 1986 году я была в Байките, потому что суломайская семья, с которой я работала, переехала в Эвенкию и жила там. Там создавался маленький краеведческий музей, и из Суломая поступили туда вещи. И я пошла посмотреть и узнала, что фигурку, слава Богу, не выбросили (подробнее об этом см.: [Алексеевко 2004: 95–111]).

Получается работа только тогда, когда имеешь давние контакты с людьми, когда они знают, зачем это тебе нужно. Для меня магическая книжка была анучинская. Там же такое количество иллюстраций, шаманской атрибутики! Я ее возила, делала фотографии с наших музейных вещей. Я привозила это и расспрашивала, чтобы получить информацию. И они знали, что это идет в музей, что я отдаю, и они там находятся и никуда не деваются, сохраняются, и вот это помогало. И никогда с водкой, — я знаю, что это практикуется, — ни-ког-да. Никогда. Только полная добровольность. И вот... не знаю, жалеть или не жалеть. У кетского шамана есть такие ящички, называются *коцсул*, шаманская нарта — там хранятся изображения духов, связанных с Верхним миром, тоже надо передавать обязательно в роду и никуда-никуда. И вот осталась дочь, внучка шамана, она была замужем. Короче говоря, мы уезжали и ждали лодку, и вдруг они, пьяненькие, появились на берегу, готовы продать — и я отказалась. И не знаю до сих пор, правильно я сделала или нет.

У нас была не самая простая работа с антропологами, когда им нужен был краниологический материал, и раскапывали захоронения 1930-х годов. Методика была такая. Мы шли к шаману. Шаман тоже, конечно, относительный, с орденом Красного Знамени, на войне был, но тем не менее шаман авторитетный. И мы его попросили, объяснили все. И он с нами поехал и показал, где можно копать. И таким образом как бы с нас было снято... Мы не ночные тати, которые тайком от всех... Правда, потом ходили всякие инте-

ресные слухи. Поэтому я не стояла около ямы и не смотрела, а Гохман не знал этого, стоял, и поэтому считали, что он умрет. Но Гохман как раз выжил, но у него умерла жена.

А мне предсказывали, что у меня отнимутся ноги. У меня было очень серьезное заболевание, долго развивалось, как раз с 1973 года. Опухоль на оболочке спинного мозга — и она росла, толстела как пиявка, сдавливала спинной мозг, и поэтому там много чего было — и ноги у меня, и зрение... Операция была в 1977 году в Военно-медицинской академии, это вот мое счастье, повезло, потому что ставили диагноз «рассеянный склероз», то из чего не выходят. Был период бесконечной больницы, когда еще не был установлен диагноз, и я лежала еще в неврологической клинике, не в нейрохирургии, потому что энцефаломию ведь ставили, спрашивали, не попадала ли я в зону энцефалита. ...Удалили опухоль. Заново научилась ходить. Такой мой этап, который был вне экспедиций.

Бог миловал, я близко не видела работы ни одного иностранца (смеется. — А.С.). Кроме сумасшедшего Диосеги¹, который работал в музее, у нас сначала, а потом мы поехали вместе до Красноярска. В музее в Красноярске работали вместе, на крышу поднимали вещи, фотографировали. Потом он поехал в Улан-Удэ, я поехала на север. Это в 1958 году было. Он совершенно как зверь работал. Потому что каждую минуту экономил. И, конечно, сторел, он очень рано умер. А как сейчас? Я не знаю, что они ухватывают. Если даже я знаю материал, знаю поле...

Когда я подолгу жила, я понимала язык. Сами кеты говорили — и чем я гордилась, — говорили, что у меня произношение лучше, чем у лингвистов. Там же лингвистов навалом было. Они не конкуренты, но для народа всегда — одна экспедиция, вторая, третья, — а чем занимаются, неизвестно, ходят, что-то спрашивают. Вот высшая оценка: «Лучше, чем Вернер², ты говоришь по-кетски». А Вернер — самый ведущий лингвист и фонетист и все на свете. Я чувствовала, что они меня понимали и я их понимала, ну конечно, в меру. Собственно обучиться кетскому языку было не у кого. Крей-

¹ Диосеги Вилмош (1923–1972) — этнолог, специалист по шаманству Сибири. Окончил Будапештский университет по отделению тунгусо-маньчжурской, тюркской и монгольской лингвистике. Совершил несколько экспедиций в Сибирь в середине XX в.

² Вернер (Werner H.) Генрих Каспарович (род. 1936 г.) — лингвист, доктор филологических наук, профессор, специалист по енисейским языкам.

нович¹ здесь был жив, он картотеку составлял, словарь, а это опять-таки формальный, не живой язык. Ну, глаголом он занимался как лингвист. А лингвистика кетская, языкознание очень продвинутое, очень много специалистов и было, и есть. Крейнович не говорил по-кетски, наверное, по-нивхски говорил. Я помню, что я собиралась поехать, и он давал мне список тех слов, в произношении которых, записанных им или услышанных им, он сомневался. Он хорошо записывал тексты на кетском языке. Но опять-таки это не разговорный. Но я боюсь принизить его. Что он абсолютно владел, нельзя, конечно, сказать, нет, нет. Абсолютно владеющих кетским языком даже среди соседнего эвенкийского и селькупского населения не было. Все как раз говорят, что кеты владеют эвенкийским и селькупским, а вот на кетском языке все спотыкаются. Очень сложный язык.

Я не была в аспирантуре, я была соискателем, потом тянула с защитой. Нами вместе с Хомич² и Вдовиным³ укрепили создававшийся в Москве сектор социалистического переустройства. Мы туда попали, там числились, переводилась нам зарплата оттуда. Борис Осипович (Долгих. — А. С.) упорно предлагал переводиться в Москву, но у меня сложились такие обстоятельства, что я не могла уехать. И на каком-то этапе к защите рекомендовали мою рукопись по материальной культуре кетов. Даже вышла книжка, монография о кетах, и защищалась я аж в 1968 году. Довольно поздно, наверное, единственный случай, когда кандидатская защищается монографией. Ленинградская инертность это. Например, Антропова, Прокофьева кандидатами не были, все это были младшие научные сотрудники. Старшими у нас были Андрей Александрович Попов и Сергей Васильевич Иванов. Сергей Васильевич был доктор, а Андрей Александрович был кандидат. Но относились тогда и к кандидатской, и к докторской с большим пиететом.

¹ Крейнович Ерухим Абрамович (1906–1985) — лингвист и этнограф, специалист по языку и культуре нивхов, языку кетов и юкагигов. Доктор филологических наук, научный сотрудник Института языкознания АН СССР в Ленинграде.

² Хомич Людмила Васильевна (род. 1921 г.) — этнограф, лингвист, специалист по проблемам этнической истории и культуры ненцев, кандидат исторических наук, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР (1956–1991).

³ Вдовин Иннокентий Степанович (1907–1996) — этнограф и лингвист, исследователь чукчей и коряков, доктор исторических наук, профессор, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН (1956–1979, с 1979 г. — научный консультант).

В 1970-е годы было особое направление — изучение шаманства. Если деньги дадут, если ты едешь специально, ты программой заявляешь и пишешь отчет по шаманству. Другое дело, что это уже не 30-е годы, мы уже ухватывали другое. Шаман-то представитель того же мировоззрения. Почему людям он был нужен? Потому что он выражал их же мировоззрение, причем они читали по его парке, кто он, куда он идет, потому что это все они знали. Почему они ждали проявления в ком-то шаманского дара? Потому что они знали, что в этой семье должен кто-то появиться. Может быть, в других обществах, там, где профессиональное шаманство, — я не знаю, как в Якутске, может быть, там на другой уровень поднялось, когда профессиональное, с оплатой, — а вот в таких охотничьих, рыболовецких обществах, там, конечно, очень нужен шаман.

Здесь давления какого-то идеологического я не ощущала. Вот один был момент, когда в 1970-е годы началась тема шаманства. Какое-то время, с 1930-х годов, затишье было. Но все равно кто-то что-то писал, можно было называть это как угодно, так сказать, «представления» и все эти «основы» шаманских верований.

Тут все уже зависело от личности людей. Руководящих. Леонид Павлович Потапов¹ никогда не давил, потому что он цену этнографического материала знал. Независимо от современного идеологического восприятия он всегда знал. Иннокентий Степанович Вдовин немножко другой. Он, во-первых, лингвист, во-вторых, он работал долгое время преподавателем в школе. Естественно, все учителя должны нести передовую идеологию. Ну, короче говоря, что сделал Иннокентий Степанович. Провел очень большую работу. Он выписал и напечатал списки работ классиков, которые в связи с темой шаманства, к которой мы приступаем, нам надо изучить. Он не давал каждому, а положил скромненько на стол. Дальше я не знаю, кто у нас ринулся изучать... А дальше шло так. Был конкретный материал, он пытался внести больше по принципу «шаман — бяка», а мы больше его социальную роль, шаман в обществе, шаман в группе конкретной... то есть мы шли от материала. Ну он оказался все-таки на высоте. Вот вышел сборник «Из истории общественно-го сознания аборигенов Сибири», хороший сборник. Расхождения

¹ Потапов Леонид Павлович (1905–2000) — профессор, доктор исторических наук, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН (1946–1974, с 1974 г. — научный консультант), заместитель директора по ЛЧ ИЭ АН СССР (1948–1967), специалист по этнографии народов Южной Сибири.

во введении, заключении и середине, если очень внимательно читать, есть. Но это как раз очень хорошо.

Кроме темы шаманства, из секторальных тем были производственные традиции, но это уже довольно-таки поздно. Музееведение. Это постоянно шло. Сборники наши шли. Формирование музейных фондов по тому или другому народу. Потом публикация наследия, это тоже, вот по Северо-Востоку. Сборники обсуждались. Вот еще был очень важный и хороший сборник «Христианство и ламаизм». Конечно, обсуждались. Иннокентий Степанович жучил хорошо. Когда Илья Самуилович¹ (Гурвич. — А.С.) приезжал на обсуждение или глав монографий, или еще чего-то, — естественно, добры молодцы накидали замечаний, да и всегда же есть недоделки и неправильное что-то. А Гурвич говорил — я расстроенная была: наше дело — вам сказать, а ваше — принять или пропустить мимо ушей. Так он это хорошо сказал.

Я не могу оценивать советский период. Я вообще на глобальные формулировки... Я не знаю, как теперь работают. Я сижу в своей норе и не знаю. Но у нас великолепная молодежь работает. На каком-то этапе говорили, что мы ничего не делаем и не обучаем молодежь, но ведь дело вот в чем. Я не знаю, по-моему, и не нужно никому учить. Человек читает — он уже учится. Человек что-то такое слышит, обсуждает — он тоже учится. А вот так вот специально... Ну были у нас какие-то семинары, и у вас, наверно, тоже. Ну вот такие совещания, просто ты в курсе, начинаешь чувствовать объем этнографии, сибиреведения в целом. Анечка, я насчет оценок. Ей богу. Я уже всех ученых назвала. Все у нас интересные. У каждого есть чему учиться.

...На моих глазах кеты кончились, их культура. Это необратимый процесс. Всегда две стороны медали. Ругают интернаты, но ведь сейчас в поселках поколение кетов, которые выросли в интернатах, почти все со средним образованием. Рядом — русский, у которого 2–3 класса от силы. Их там одевали, кормили. Хотя и оторвали от промыслов, от родителей. Но есть и другая сторона, и никуда от этого не денешься. Из интернатов могли потом уже все-таки свое право осуществить куда-то поехать или где-то жить, выбор свой сделать, а то у них никакого выбора не было. И так абсолютно во всем.

¹ Гурвич Илья Самуилович (1919–1992) — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом народов Севера ИЭ АН СССР, этнограф, историк, специалист по народам Северо-Востока.

Никто специально не пытался сделать что-то плохое или уничтожить культуру. Нет. Нет. У нас в верховьях Апоньки было совершенно замечательное селение, и сама деревня была замечательная, и народ замечательный жил, великолепный председатель колхоза, Михаил Михайлович Бибииков. Интернационал был, там были кеты, селькупы, немцы, прибалты, и он вел этот свой колхоз. А потом, поскольку из районного центра туда очень трудно летать и продукты завозить, и медицина, и все остальное, перевели на Енисей. Конечно, вот группа, которая растворилась, потому что кто-то осел в одном месте, кто-то — в другом. Но никто специально плохого не хотел делать им. Хотя я ужасно жалею эту деревню, которая была. Очень интересный момент, их соблазняли кроме всего прочего — вот Енисей, пароходы ходят, а вы тут сидите — не выбраться, мель сплошная. Там красная рыба. А эти: чихали мы на красную рыбу! Им ельчика дай, маленького, своего, на рожнах, — а эта слишком жирная, не годится.

Но, с другой стороны, в Бакланихе, например, сформировалась группа сельской интеллигенции, и одна из них, Зоя Васильевна Муксунова, в июне месяце должна защищать кандидатскую по кетскому языку, стажировалась в Германии у Вернера, он из немцев Поволжья, в Кельне уже давно живет, ведущий специалист по всем енисейским языкам. А живет она — избушечка на самом краю... высокий угор... берег Енисея. Так что предсказать, как что пойдет...

Вообще работают и живут лучше, — у меня есть несколько примеров — если семья оказывается не в массиве, где пьянство, а где отдельные семьи оказались в большом селе и где разные национальности, и превосходным образом живут, превосходным образом. Даже как будто вопреки. Мы говорим, должны жить среди своих. Келлог — пьяный поселок, хотя и столица кетов. А вот имбатские кеты великолепно живут, на таком уровне качество жизни, которое дай Бог. И вот ваши эвенки, которые в Томской области, в верховьях реки Кети.

— Вы счастливы своей жизнью и работой?

— Я мучаюсь! (смеется залиvisto и заразительно. Я вместе с ней. — А.С.). Сплошная мука! (смеется. — А.С.). Потому что все время что-то недоделано, все время хвосты, все время чего-то боюсь, не тот характер. К сожалению, не тот характер. Не боевой. Не уверенный. Я счастлива, только когда сидеть действительно там. Вспоминаешь какой-нибудь старый дом, черный весь, дерево серое от дождей. Слеги, ограда — чего ограждают, неизвестно, — и боль-

шой куст жарков — такие крупные огоньки на фоне этого дома. Это же прелесть. Такое чудо. Вот такие вот отдельные моменты в памяти. Раз оно выплывает из подсознания, значит, это нужно, и можно сказать, что счастлив.

Беседа, запись, редактура и комментарии А.А. Сириной

Библиография

Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология 1960–1990-е годы. М., 2003.

Алексеев Е.А. Поездка на Подкаменную Тунгуску // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 2004. Вып. 5. С. 95–111.

Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.

Вахтин Н.Б., Сирина А.А. Кому принадлежит сибирская этнография? Размышления после международного семинара по методике, методологии и этике этнографических исследований на севере Сибири // ЭО. 2003. № 3. С. 141–148.

Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. Этнографическая библиотека / Сост. О.А. Акулич, А.А. Сирина. М., 2009.

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин; отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004.

Репрессированные этнографы. М., 2002. Вып. 1; 2003. Вып. 2.

Решетов А.М. Отдание долга // ЭО. 1995. № 2. С. 40–62.

Соловей Т.Д. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998.

Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб., 2008.

Schweitzer P. The Social Anthropology of the Russian Far North // M. Nuttall and T.V. Callaghan (eds.). *The Arctic: Environment, People, Policy*. Amsterdam, 2000;

Schweitzer P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Traditional Moments in the History of Research. Habilitationsschrift. Eingereicht an der Human- und Sozialwissenschaftlichen der Universität Wien. Wien, 2001.

Sirina A. Soviet traditions in the study of Siberian hunter-gatherer society // Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology / **A. Barnard (ed.)**. Oxford; N.Y., 2004. P. 89–101.